

Андрей Небко

Затмение (стихотворения)

Аннотация

«...Андрей Небко – вечный ребёнок, хрупкий Ангел с замирающей флейтой Крысолова в руках. Затмение – результат разочарования и боли: солнце зашло... Но оно же – Затмение – прекрасно своими приглушёнными акварельными красками, чуткой меланхолией, магией нетленной красоты. Автор поэтической книжки выражал себя, свою внутреннюю духовную жизнь и бесстрастную литературную Игру в Слове...»

Андрей Небко

Затмение (стихотворения)

Предисловие

Андрей Небко – литературный псевдоним Андрея Александровича Анипко. Годы жизни 15.09.1976 – 08.07.2012.

Автор книги ушёл из жизни рано, стремительно и непоправимо. Книга, которую вы держите в руках, составлена не им самим. Издатели взяли на себя смелость включить в неё те произведения, которые в силу своей скромности и требовательности сам Андрей решительно бы «забраковал». Но «большое видится на расстоянии». Смерть автора многое расставила по своим местам. Он, бесспорно, талантлив в каждом из своих

стихотворений, которые мы разделили на четыре тематических плана – Любовь, Затмение, Смерть, Эпилог. Деление стихов на главы знаменует четыре важные вехи в жизни автора.

Любовь – вера в её спасительные свойства, жажда её испытать, горечь разочарования ею – ведь любовь и жестока! Душа поэта ранима, открыта миру, непосредственна в своей искренности. Андрей Небко – вечный ребёнок, хрупкий Ангел с замирающей флейтой Крысолова в руках. Затмение – результат разочарования и боли: солнце зашло... Но оно же – Затмение – прекрасно своими приглушёнными акварельными красками, чуткой меланхолией, магией нетленной красоты. Автор поэтической книжки выражал себя, свою внутреннюю духовную жизнь и бесстрастную литературную Игру в Слове. Смерть оборвала жизнь, трагически подытожила судьбу. Но уход – не конец всему. Эпилог – обещание вернуться, продолжиться в памяти друзей, найти своего настоящего читателя.

Много стихотворений А. Небко останутся пока ещё неизданными. В силу разных причин. Всему своё время. В этой книжке всего 70 произведений. В каждой главе – по 22. Именно этому числу автор придавал особое нумерологическое и, видимо, сакральное, значение. 4 текста знаменуют собой Эпилог.

Публикуемые стихи философичны, глубоки по содержанию. Их с удовольствием и пользой прочтает филологическая элита. Но в то же время в «Затмении» есть тот смысл и тот нерв, который не оставит равнодушным каждое человеческое сердце, в котором отчаяние сменяется верой, а вера вновь и вновь подвергается сомнению. Андрей Небко прожил свою короткую жизнь трудно, но красиво. Он знал толк в Высокой Игре.

Его желанием было, чтобы каждый нашёл отражение своей жизни в его творчестве и позволил себе грусть, которая нынче не в моде, но так часто посещает всех нас, тех, кто жив и способен думать. Читайте! Хочется верить, что вы испытаете истинное

наслаждение. А если сочтёте, что «Затмение» достойно ваших аплодисментов, – аплодируйте! Поэт услышит...

Издательство благодарит за помощь в сохранении творческого наследия Андрея Небко Е. Анипко, Л. Иванову, А. Горина.

Любовь

Число Страсти

студёный рай в твоих глазах, в твоих
застуженных, финифтью тонких игол
инеевых... который из двоих
тебе милей? – вон тот! – глядишь, и выиграл

всю пару их, студёную чету,
в которых рай, и пчёл стеклянных зуммер...
который из..? – а не плевать ли? в сумме
мне дорог каждый: в яблочном цвету

горит хрусталь; люблю, желаю оба:
качнётся занавес, взовьётся лёгкий газ,
и жизни за какой-нибудь из глаз
не жаль, и губы – узницы озноба.

Сеньору Вольфраму № 3

ты не создан для песен, для сказок –
ощутимый, домашний, земной;
но из пёстрых лирических красок
не найду для тебя ни одной.

синий? серый? но в час обладанья
на камнях разгорается мак,
и скольжу, замирая, за грань я,
в рукотворный малиновый мрак.

и восходит малиновым дымом
узкий, тесный, как Золушкина
туфля, месяц, – и с грустью о близком
на валун набегают волна.

захлестнет – расколышет – отхлынет:
горяча и влажна борозда,
и на взморье малиновом стынет
расточительной ртути звезда.

2008

Лунный Танец

один только месяц в моих небесах
висит загогулиной спелой,
один только месяц... на шатких весах,
на скользких – танцует с венерой

амур, кучерявый, лобастый шалун,
с венерой, кудрявой и влажной;
над ними – сиянье лунейшей из лун,
такой же роскошной, распашной,

в которой, держась за кривую, тону,
за скользкую ручку дверную.
как месяц без промаха входит в луну,
кудрявой межи не миную,

и лягу с луной, и на зыбких весах
с амуром венера возляжет,
и влагой, и негой потянет в низах,
и в небе ночном – простоквашей

захлопает свет, и незримая связь,

сырая, меж верхом и низом,
и, влагой и негой захлебываясь,
корячусь, на месяц нанизан.

2008

Соната № 9

а здесь трава, и лилии, и маки,
и мальчик лет двенадцати – большой! –
глядит, как диск над ледяной межой
круглится, тускл, и вспыхивает паки,

и канет в ночь; глядит, как светлячок
несёт в траве дозорный свой фонарик;
и кто-то шляпу на кривой сучок –
там, высоко – повесил, – нет, рогалик

обкусанный! и колется кунжут,
рассыпавшись по скатерти-простынке;
и обо всем, привидевшемся тут,
рассказывает мальчик без запинки

и тридцать лет спустя, и пятьдесят
таким же мальчикам, тихоням и задирам,
и ледяные вишенки висят –
всё те же! – над ручным и робким миром.

2007

Тихая Заводь

ты хотел тишины? получай тишину:
ветра вой и бубнилка дождя.
ты ушел с головой в эту тину и тьму,
но забыл рассказать, уходя,

как прекрасен закат над сутулым мостом,
как ты счастливо было, дитя.
из душистого ила, зеленых истом
летней влаги вставала, хотя

громкой жизни, заря, – но, годами соря,
ты судьбу свою протанцевал,
и теперь ты одет в чешую пескаря,
и дрожит, и мерцает металл

драгоценный; ты сам себе рыл западню
с первых дней, первых лет, первых лун –
был ты юн? а теперь в золотую броню
бьется рокотом сонным бурун,

и уже далеко до зари, до росы,
и часы остановятся вот-
вот, – а сизый закат отошёл за мысы, –
значит, кто-то увидит восход,
и чужая забота взлелеет ростки
золотые... а здесь – тишина,
ветра вой; спи и грезь, будто недалеко
первый день, и заря, и луна!

2008

Голубая Горячка

Предо мной, подо мной голубой Океан,
я, наверное, пьян, но уже не поможет
ЛТП и т. д.; день мучительно прожит;
я полярный буран наливаю в стакан.

Эта стопка метелей, чекушка пурги
голубой, и буран надо мной, подо мною;

мне уже не поможешь, да я и не стою
чьей-то помощи, но всё равно «помоги!»

умоляю, а сам наливаю в стакан
вьюги сто пятьдесят, осушаю, и снова
наливаю, и снова в плену голубого
забытья; полынья, а под ней – Океан

голубой; чарка вьюг, забытья полуштоф
да нитья поллитра́, да метель по стаканам;
мне уже не помочь – но влюблённым и пьяным
я прошу твоих слёз, я хочу твоих слов...

2008

Антисонет

не перепрыгнуть рва, и шанса только два,
и робко ручку дергаю дверную,
и к прошлой нерешимости ревную
созревшие к свершению слова –

к свержению: исходов и начал,
и полустершиеся по ночам
твержу обеты: Ты, Кто днесь и присно!
обрекшего на скуку и повтор
себя – отчаль из обжитых портов
в открытую ночь, звёзды, соль и бриз!.. на

столе пылятся веером сердца
и спутники – засаленной колодой;
две запонки – солёных озерца,
слепых – томятся жаждой за оградой, –

но даже близящейся непогодой

не образумить парус беглеца!

2007

Только для тебя

Сегодня только пятница. Три дня
мы не увидимся. Три ночи – в разных
постелях. В голове – туман бессвязных
видений, праздных мыслей трескотня.

Ты помнишь ночь, машину и вокзал?
Ты уезжал, но обещал вернуться.
И ты вернулся. Помнишь, как проснуться
нам зверский холод в комнате мешал?

И вот – три дня. И я не знаю сна.
И я пишу. Куда? Мне дела нету.
Трясущимися пальцами дискету
вставляю. Здесь мы вместе. Помнишь, на

безлюдном пляже? Лето, дюны, сосны...
Ведь ты приедешь? Три каких-то дня!
Легко сказать! Три этих дня несносны!
Как можешь ты прожить их без меня?!

2008

Соната № 8

над плоскостью – булавочной головкой
в мохнатом тельце бабочки – звезда
любви, беды, бездомной и голодной,
горит, блаженна тем, что не видна

самой себе, что сам себе не ведом
свет, всех уловок слаще и слепей,

счёт закрывающий победам, бедам,
пульсирующим – бабочка! – слабей,

слабей на шпиле сладкого соблазна:
одним собой в инополярной тьме
(вином разбавленной!) насытить глаз – дна
не ведая, не думая о дне,

где погребён его источник; ночь и
свет, и любовь в обнимку спит с бедой, –
а он глядит, слепой и светлый ловчий,
в свой, чуждый, чудный очерк над собой.

2007

Сеньору Вольфраму № 2

В дорогие не укутаю тебя джемпера,
в джинсы фирменные не запеленаю
долгих ног – как у аиста... Говоришь, пора?
до свидания, не удерживаю – мысленно догоняю

на площадке лестничной, чтобы что-то еще сказать,
что забыл, когда сидели друг насупротив друга, –
и в ответ на нескáзанное протягиваешь мне пять
музыкальных пальцев; не могу опомниться
от испуга –

сладострастного? – почему же суеверно
ряжу в слова
плечи острые, ломкий стебель талии –
не распеленаю
даже мысленно? – обернувшись, на прощанье
протянешь два
серых яблока; усмехнешься снисходительно:

«обнимаю»...

2007

Смерть Нарцисса

О, как давно!

И. Анненский

Покоен омут; облачко плывёт
у самых ног, лукаво и покорно;
чета виол, мятежно и минорно,
роняет влажный жемчуг томных нот.

Я расстегну, робея, ремешок:
ползут к стопам завистливые ткани,
и в млечном разгорается тумане
ответный взор... И противопоток
сквозные переплёскивает грани.

Так, значит, Ты? И зря я столько лет
кого-то, где-то – мял, томил и маял?
Но смутный очерк плавился и таял,
дробясь, как отголосками – дуэт

четыре-, нет, пятиждыпарных струн:
мелодия запуталась в кулисах
кальсон, – и, недовыплеснувшись, высох
в броню гробницы бившийся бурун.

2009

Экспромт

Эта ненависть с привкусом соли и йода;
эта нежность почти – не без ссадин, не без

боли; эта невинность с рубцом на скуле;
неизбежность блаженства в багровых бороздках.

Синева, синева, и вчерашней листвы
подмороженный хруст – словно фунтик с поп-корном.
Ничего, ничего, вот подъедет трамвай,
переедет обоих и, не просигналив,

как ни в чём не бывало проследует в парк; –
но на зеркале заднего вида – румяна
октября (кто сказал «ДТП»? это лес
свой багряный роняет убор; это осень

подметает дворы)... Я хочу за Урал,
за Байкал!! но забыл её классе в девятом,
эту карту – ложись! я на шерсть нанесу
коридоры любви, погребя вождельня: –

лишь бы в парк, не оглядываясь, шёл трамвай,
переехавший нас, в царскосельский, чугунный,
лебединый, арапчатый, с хрустом песка
на зубах, с облаками в дымящейся клюкве...

2009

Подростковый депресняк

Сесть в автобус, и на край света, до кольцевой;
пусть выходят и входят россияне, этруски, инки:
всё равно никому нет дела, что я – живой,
что со злости рисую маркером хуй на спинке

впереди... Контролёр, парнишка лет двадцати,
злобно сплюнет и станет выматывать душу штрафом:
подавись, гандон! Всё равно уже не сойти:

я ошибся автобусом, бункером, батискафом!

Я себя узнаю в пассажире напротив; тот
притворяется, сука, что видит меня впервые.
...Неужели конечная? Товарняк замедляет ход,
пробивается свет... Блядь, а если мы все – живые?!

2009

Арифметика

За вычетом тебя – деревья.
За вычетом деревьев – камни.
За вычетом камней – пространство.
За вычетом пространства – Бог.

А Бог и есть тот самый вычет:
приплюсовал к Себе пространство,
чудак, к пространству – камни, к небу –
деревья, а ко мне – тебя.

2011

За гранью стекла

За гранью стекла, за космической пылью
твой тёплый, твой нежный, твой взгляд
и руки твои, полоумные крылья,
терзают меня и казнят.

Я из лесу вышел: всё было багрово,
но в щель просочилось тепло,
и я уронил бесполезное слово,
и ветром его унесло.

И я обхватил сумасшедшие руки
раскрошенной известью губ.

Мой голос был как покосившийся флюгер,
и дым поднимался из труб.

На склоне холма, в камышах лукоморья,
за краем известных земель
я был добровольным глашатаем горя,
дудя в обомшелую щель.

И сколько ни били меня, ни бранили,
сквозь все тупики я пронёс
колючую пригоршню уличной пыли,
извёстку космических слёз.
За гранью стекла, за нечаянной гранью,
где столько непрошенных рук,
я был чем-то вроде травы, или тканью,
похожей на вышитый луг.

Но эти твои полупьяные руки
в лохмотьях чужого тепла...
Зачем ты, богиня, на горе и муки
из пепла меня извлекла?!

2011

Лети!

Сухая и чёрная ветка
над серым и пасмурным днём.
Лети, золотая нимфетка!
Страничку не перевернём.

А жаль!

– Без напрасных попыток.
Отпустим – забудем – уснём...
Осеннего золота слиток

ненастным и горестным днём.

2011

Сад

Калитка скрипит, и сливово-сиреневый сад
впускает меня, обнимает, целует, щекочет
и ласково, но неразборчиво что-то бормочет,
щебечет – приземист, всклокочен, сутул, глуховат.

И я прохожу по извилистым скользким дорожкам
в дощатый сарай – эту виллу советских времён.
Но кончится лето, и небо с алмазным горошком
брезгливо возьмут за углы и скатают в рулон.

И вместо солёного пота, геройства и чванства
пацаньего: сила, сноровка, смекалка, успех
у девочек, – сплюснутый кубик жилого пространства,
ужастики, грёзы, невроз, изнурительный грех.

Нежданные взлёты, паденья, – а стёжка всё уже,
кустарник всё глуше, всё меньше сирени и звёзд,
и снится всё реже, как ты всё идёшь по тому же
мосту, и дрожишь, и не веришь, что кончится мост.

2009

Ручеёк

Дай перепрыгнуть через палочку,
через рябиновую веточку,
упасть в слезящуюся скважину,
в окоченевшую ладонь;
я наблюдаю через щёлочку,
как прыгают через верёвочку
нагие мальчики и девочки

и превращаются в стволы,

и – нагло выпрыснули веточки,
и почки рдеют, листья лóсняются,
а ты – ручей, пустой, серебряный,
сквозящий полым, нежилым,
необжитой плешивой звёздочкой:
они выпрастывают щупальца,
щекочут склизкие присосочки
твою надмирную тоску,
твою бесплотную серебряность,
твою охрипшую проскваженность
навстречу этим глупым чурочкам,

Три Танка

* * *

Снова деревья в снегу.
Снова завистливый мех
прячет улыбку твою.
Смерклось — так рано?

* * *

Ивовый куст побелел.
Скоро затянутся льдом
реки.
Ребята — смотри! —
катятся с горки.

* * *

Нехотя солнце встаёт.
Снег оседает в душе

болью отложенных встреч.

Ветку зацепишь плечом —

сыплются искры!

2011

Нарцисс

Когда, почистив зубы и пробор

соорудив, ты изменяешь нашей —

с какими-нибудь Лёшей или Сашей —

любви, — я растворяюсь, хмур и хвор,

в подручной бездне, в ракушке речной,

но ты напрасно ищешь мне замену

в чужих постелях — Анадимомену

под неотполированной волной,

из пены тёплой, свежего белка...

Как для мечты действительность мелка!

И как жалка мечта пред этой зрячей

прозрачностью! — Блазня самоотдачей,

друг с друга глаз не сводим, и рука

берёт аккорд пахучий и горячий.

Постой на пороге. Помедли. Теперь оглянись.

Мы не были парой — мы были сиамериканской двойчаткой

Но ты, окунаясь в небесную серую слизь,

не вспомнишь, и чёрт с ним: халва не бывает несладкой,

а память о ней не умеет, увы, не горчить.

Тебя потянуло домой, я же трудноподъёмен.

Мы пили бадягу одну, но из разных соломин.

Теперь их не хватит, боюсь, чтобы нас разлучить.

Всё — слово, приплудное имя: по слогу на рот.

Тебе недосуг, и съестного из них мы не сложим:

мы только слегка разминёмся — прохожий с прохожим

— чтоб с этого берега вовремя смыться на тот.

Никто нас не встретит; пожмут, соболезнуя, руку;

найду себе пару — замену считай, опохмел.

с такого-то пира!.. Но в койке расслышу по стуку

под рёбрами слева: ты рядом... Ты сам так хотел.

Соловей: далеко ещё до рассвета! —

как сказал устами Ромео трагик.

А ведь нежностям только открыта смета:

ни одной не успели ещё истратить!

Не согрелась еще от дельфиньих салок

простыня, подушка не смята толком, —

глядь, а ночи на дне все бледней осадок

и рассветная пена ползёт по шторкам.

ЗАТМЕНИЕ

Реванш

столбы, решётки, будки, фонари

твоих не помнят утренних прогулок

так вейся над страницей, юмори,

туши о стол зазубренный окурок

луны! кудрявый сад твоих шагов

не вспомнит: мимо, мимо, не достоя

и мельком! из цивильных пиджаков
пускай иное вырастет — пустое,

но властное, — сомнёт кудрявый сад,
не помнящий шагов твоих, решётки
заставит под свирель твою плясать,
орфей! под метроном твоей походки

вытягиваться в струнку! стороной
ограду, зелень, мостик и канавку
минуя, что и сам ты — не иной,
как этот сад и серп, забудь; отставку

прими с холодным сердцем, головой
серебряной: плевать, что ЭТОТ — зелен
по веснам; обделённый гробовой
доской, как бесполезен он, бесцелен!

Соната № 2

он вышел в сад и снесь посыпал солью
и сад молчал, и солонела снесь
он предал воздух сонному безволью
и скучно ждал, когда наступит впредь

слова на хлеб, и сонными губами
жевал рассказ — без соли и зерна
сад облетал, — и сорными хлебами
под серп жнеца ложились письма

жевал, зажмурясь — пресен хлеб, и солон
пустынный сад — как лист, как чёрный клюв
над ним; он хочет пить, взхлёб, как ворон —
кровь, но вокруг протягивает клюкв

осклизлый бисер; на губах его усмешка;
соль впитана зерном, устам покорен вес,
но чёрной ягодой куда хрустит тележка,
когда журчит руда на жернова небес?

С того берега

с того берега не доносятся голоса,
ветерка не дохнёт, ни луча с того берега
как в проёме дверном — непроглядная полоса,
изо мрака во мрак мельтешащая колыбелька

я на том, ты на этом — а вместе в гостях у реки,
и смывает песок за волною волна, и наносит,
и горчит глубина, и, разбужены галькой, круги
с ледяным горизонтом скрестили незрячие оси

и пронзен горизонт, и течёт изумрудная кровь
в непроглядный проём, отворённый на ровно мгновенье
осознать, что слепая вода, как её ни багровь
вздохом, возгласом — круг тем косней, чем крикливей камня...

Соната № 3

хор порхает, забился в угол
хор — лохматая, жирная моль
я в портьерах его застукал,
но не помню уже, само ль

сердце ёкнуло, или в горке
дробным смехом звенел фарфор
задохнулся в зелёной шторке
сердце мне прояснивший хор

я заплакал, фарфор зазвякал
плачем жалобным...
в коридор
равнодушный валил зевака
помянуть хлебосольный хор

потроша шерстяное брюшко
и пушистым крылом шурша,
капельмейстер рыдал в подушку,
не дождавшийся барыша.

Аполюция

Нет, светел столь же лик, и стан мой гибок,
как восемнадцать лет назад, и липок
могильный сон, как сок на простыне...
в какой, о, вязкой тине! тишине
зловонной! присоединяйтесь, леди,
любовник, лох пленительный, эбен
облупленный! и, лягшие бок-о-бок,
мы вместе же пробудимся из гроба
в чертополохом затканый Эдем
(а рифма к «леди»? — в склепе ль, туалете —
мы счастливы взаимностью тепла
тлетворного, плодящего когорты
вредителей...) — но сон вздувает шорты
несбыточным: мой отдых неделим,
и уда, охладев, не утолим
в потьмах, не возмутимых мудаками,
и зоркая труха под медяками
не насладится затхлой наготой;
я ухожу в разгаре конферанса,
и горько плачет верный Санчо Панса

над падалью, коварно понятой.

В пояснение заглавия. — Базовое значение слова — «движенье-прочь-от-света» (apo luce — др. греч., лат.) + все наслаивающиеся акустические интерпретации. А. Н.

Пассажир

я помню скалы, и валы,
и перламутровые зыби,
и крылья нежного Каллы; —
о, что мне в сей руде и рыбе! —

я здесь, и под ногами грязь,
и грязь над головой — о, фреска!
и кондуктор, кричащий «слазь!»
уничижительно и резко.

а я ль не оплатил проезд?
но в зыбь туманную вагоны
летят, и нет вакантных мест:
здесь только ждут и чтут законы.

а тот, кто сам себе закон,
катись пешком, в метель и слякоть,
и будет мутный небосклон
над головой осями звякать.

2008

Колыбельная

Я, канатный плясун, Заратустра, уездный буффон,
обожаю вас всех, ненавижу вас всех, проклиная
первом делом себя, но и вас, и тебя, мой бутон,
мой тюльпан, мой розан, скромно так примостившийся с краю

ветхой койки моей, страшный скрип, невозможно уснуть,
обожаю тебя, ненавижу вас всех, проклиная
эту бедность и грязь, это гаерство, это чуть-чуть
не уродство — люблю тебя, мальчик мой, баюшки-баю,

не ложись на бочок, серый волк под охапкой раки,
он не спит, сторожит, хватать-похватать, только рожки да ножки,
эти рожки-кудряшки, колючие смушки... он спит,
мой хороший, он спит, сырный месяц в алмазном горошке,

я придумал тебя, захолустный буффон, я ползу
по канату над площадью, делая разные штуки-
номера — и толпа затаила дыханье внизу,
скоморох, обожаю тебя, умираю в разлуке —

мой хороший, он спит, он не видит, как падает вниз
Заратустра, канатный плясун, трёхгрошовый ковёрный...
Спи, мой маленький, спи, я не верю в тебя, ты каприз
ядовитой души и тоски одинокой и чёрной!

2008

Паяцы

Wir spielen weiter. Bang und schwer Erlerntes
hersagend und Gebaerden dann und wann
aufhebend...

Rilke

Мы свернули знамёна и сходим со сцены.

Мы плохие актёры, зато драматурги —

хоть куда; алкаши, завсегдатаи дурки,

от наитий которых потеют безмены —

что мы видели в жизни? ну, жрали, ну, ждали

от фортуны сюрпризов, топтали котурны,
блин в сметану макали, манда ли, елда ли —
брали всё, но роптали и пели лазурны

небеса, солнце ясное, тихие воды,
и весенний мандраж, и осенние бзики.
«Заебали гнусить! убирайтесь, уроды,
подобру и святой не поганьте музыки!

Дурки плачут по вас, обезьянники, зоны...» —
Мы уйдём, мы скатаем штандарты в рулоны,
и, давясь монологом, тирады глотая,
мы уходим, ушли, и звезды запятая
рассыпает по следу лучей макароны.
2008

Ночной арест

город пришёл за мной, а я не открыл дверь
город царапался, дермантин
скрёб; я — как обложенный вепрь,
и я понимаю, что мне кранты.

город, укравший мою звезду,
в наждак истолокший её алмаз,
я же не знал, что сюда войду,
оцеплен стрелками, в последний раз

город, снаружи меня запри,
чтоб не узнал я, как пахнет плоть
дохлая... прячется за драпри
кто-то до боли знакомый, хоть

и неразличимый в кромешной тьме
город! я серенькой рыбкой — в шлюз
что ты имеешь поставить мне
в минус, когда я, куда ни плюнь, плюс?!

«брысь!» — и, раскрошена в щепы, дверь
кажет просторный и полый мрак
самому придётся себя в подвал
отвести, самому обагрить тесак...
2007

Соната № 5 неоконченная

в петрополе прозрачном патрули,
лоснящиеся лимузинов дверцы,
и те, кто земляное обрели
блаженство здесь, из деревянных секций
смеются нашим хлопотам; авто
проносятся, разбрызгивая грязи,
и с гордостью, что звать тебя Никто,
в круговорот тебе подобной мрази

вмешаться легкокрылыми стопы:
гашиш, вино, дежурный венеролог, —
а те, счастливицы, ржут из-под щепы,
гнилья, трухи: над верхней — с нижних полок.
2007

Примечания к труппу

Слюни — тоненькой ниточкой изо рта:
жёлто-табачная тускло смешалась с алой.
Пуговичный взгляд утверждает, что мир — тщета,
полная чепуха, галиматья, — пожалуй,
следует согласиться. Если верно, что полнота

бытия — это когда закорючки вошли в пазы,
и получился пазл. А иначе — кучка
пластика. Может быть, в следующие разы? —
не обещаю. Бесспорно одно: отлучка
из дорогих очей от силы две-три слезы

выжмет — и то по долгу... Признайтесь,
что помянуть —
несравненно приятней. Народной русской горилкой.
Ради этого я бы и за могилкой
поухаживал. Осушить, занюхать, рыгнуть,
перекрестить уста. Или выматериться (не суть),
главное, чтобы с чувством. С сентиментальной жилкой,
как говорится. Что же вы? выньте же, кто-нибудь,

девушку из петли! Ей, понятно, плевать
на всех нас с высоты откинутой табуретки,
нам же здесь жить да жить, в этой комнате, жрать,
совокупляться: — снимите же дармоедки
труп, наркоманки! — как вишню с плешивой ветки;
положите куда-нибудь — на кровать
или на стол — и айда бухать!..
Лично я бы выбрал таблетки.

2009

Пепел

Забрезжил день, а я сгорел дотла,
до угольев — вернее, без остатка,
без цели и следа; ах да, зола
ещё тепла, исписана тетрадка,
но... Ни копыа в кармане, ни кола.

Что ж, пусть... Пока мой пепел не остыл
(покуда в заднице свербит и в брюхе),
я буду славить — в истине и в духе,
без усталости, из предпоследних сил —
твои, Судьба, затрещины и плюхи.

А может быть, бухая и брюзжа,
откину в местном хосписе копыта: —
для Страшного проснувшись Правежа,
отговорюсь, что классный был пиита,
да что там — гений в рубище бомжа.

2010

Путник

Город оставь за спиной. С выхлопной пургой,
шинной додекафонией. Путь свободен,
гулок и пуст. Самый близкий и дорогой
человек тебе — ты. Ни домов, ни родин,
ни семьи, ни любви. Покой.

И движенье — куда глаза глядят,
на закат, прочь от дымного города, дома, семьи, комфорта,
от надежды, любви и веры... Хмуро молчат
верстовые столбы. Это вроде большого спорта.
Только сам ты — снаряд.

Не оглядывайся. Самый близкий, самый родной
через месяц начнёт обходить тебя стороной,
не подавая виду, что было что-то.

Ты ускорил шаги. За твоей спиной
запирают ворота.

2010

Как я стал собакой

Сначала я прочно встал на свои четыре.
Сомкнулись ряды и забыли о дезертире.
Потом появился пушок, а за ним и шерсть;
и слово одно в лексиконе осталось: «жесть» —
но больше похоже на «тяф!», если ещё на что-то
похоже; но, Боже, впервые так жить охота,
и жрать, и пить из канав!

Есть запахи злые и добрые ароматы.
Собратья мои шелудивы и вороваты,
и только мне не забыть, кем я был вчера.
Меня обижает проклятая детвора,
но кормит одна карга, дай Господь ей тыщу
лет жизни: нисходит с небес к моему гноищу;
я вижу, впрочем, и в ней врага.

Могу укусить, но обычно хвостом виляю
и руки лижу; прихрамывая, ковыляю
от свалки к помойке: люблю суповой набор.
Особенно мне один приглянулся двор...
Там есть сорванец — голенастый такой брюнетик...
Ночами па месяц вою — на анальгетик
собачьих сердец.

2010

Мелкий Бес

Камиларту и Ему подобным
Там, где проволока вместо занавесок —
то же солнце, те же звёзды, та же тьма, —
плачет в наволочку маленький подбесок,
недотыкомка, самара-кострома.

Только, чур, не подходи к нему: заразный,
дышит ненавистью к жизни, ко всему,
что не разуверилось... Пусть давится спазмой
слёзной, бедный выродок, влюблённый в тьму.

Мой добрый, честный мальчик, кто ему поможет? —
он довольно хихикает, когда тебя несут
с разmozжённым черепом... — И вновь плаксиво морщит
чумазую мордочку, бал бес и баламут.

Мой добрый, честный мальчик, капай отсюда на-хер:
сосчитаны все косточки, и кровь идёт на вес,
и как бы ни корпел казённый парикмахер
над лапками, — он хнычет и просится в лес.
2011

Asylum

I

* * *

Ты спрашиваешь, каково оно там, в аду?
Довольно неплохо: трёхразовая кормёжка;
по кафелю бегает бойко сороконожка;
сосед скрежещет зубами в полубреду.

Короче, всё заебись. Заходите в ад
с гранатовым соком, конфетами и «Нарзаном»!
Как жаль, что пока во двор выходить нельзя нам:
ремонт, говорят. Через месяц-другой, говорят.

* * *

Ты спрашиваешь, каково оно там, в раю?
Довольно прилично: бывает и масло с сыром.
Я, правда, случается, близких не узнаю,
зато наслаждаюсь полнейшим душевным миром:

смотрю телевизор, играю в шашки с братвой,
флиртую с сестричками; ток применяют редко.
Короче, всё заебись: нелады с головой,
зато у каждого — фирменная этикетка.

II

Не надо, не беспокойтесь! я сяду сбоку,
я с краешку примощусь; хлопотать не надо.
А сколько каналов? один? всё, небось, эстрада?
Конечно, конечно!.. Эх, яблочного бы соку! —

раз дело такое... Святое дело — пилюля!
Прогресс, так сказать; в том числе и в вопросах мозга.
Далась же кому-то, скажите, судьба обноска,
отброса!.. Ну, разумеется! хам, грязнуля,

бездельник и сластолюбец... Ах, процедуры?
С моим удовольствием! Я и в огонь и в воду...
Друзья мои! жизнь прекрасна! а вы понуры,
как будто не сами просрали свою свободу.

2010

Ты сам...

А. К.

От губ твоих до моих — десять лет пути.
Ты сам говорил, что тебе ничего не нужно.
Поэтому мне хорошо. Но немного душно
и хочется плакать. Возьми меня. Отпусти.

Широкая, грубая, загорелая кисть.
Ты сам говорил, что не любишь «этого дела».
И я опечален. Но что тебе за корысть

затылок мне гладить — растерянно, неумело?

Откинь занавеску: весна как-никак. Ты сам
сказал, что тебе от меня ничего не надо.

...Мы сбились с пути.

По привычке шепчу «сезам»,
хотя и уверен, что нет никакого клада.

2010

Мармеладный Псалом

Жевал неживыми губами

Пречистое Имя Твоё.

Тебя с нежилыми богами

в убогое втиснул жильё.

А благообразные выси

и тинистую глубину

я вымел из комнаты, вынес

за дверь — и резину тяну,

куренья курю — истуканам,

кумирам вино возлия.

Мерещится полным стаканом

Верховная Воля Твоя.

Так пусть, как из проклятой чаши,

прольётся на проклятый лоб

проклятье, которого краше

ни пидор еще не проёб

своей оборотной гортанью,

ниже богословы — прямой!

За душу мою тараканью

пусти меня, Боже, домой!

Пусти меня, Господи — зябко,
на улице морось и мга!
За то, что я, Господи, тряпка,
не верю в Тебя нифига!

За то, что не ради корысти,
не прибыли ради продаж:
из низости! — Боже! почисти!
Пройдись со скребком по рядам

и выдави гной!.. Вазелином
пропах вожденный покой.
Увы! не Возлюбленным Сыном —
рабом: подержать за щекой!

2011

Стрелка

Стрелка бежит по кругу, бежит по кругу,
видя одни и те же, одни и те же
цифры, насечки, деления. Мы друг другу
в круп упираемся, как рысаки в манеже.
Стрелка бежит по кругу, бежит как стая
волчья — за собственной тенью на циферблате;
кружится, как сумасшедшая по палате,
вечно сбиваясь и снова — шаги считая.

2011

Пофигист

Черета неудач — знаменатель дроби.
Можно было встряхнуться бы, но лениво.
Между жизнью и смертью я выбрал обе,

ибо жаден и трус. Потому не диво,
что ни жизни, ни смерти, а что-то вроде
паутины и пыли на всём, к чему ни
прикоснётся рука. Но поскольку в моде
сплин, без тени стыда распускаю нюни
и других призываю к тому же. Хором
и цвести веселей, и сочиться гноем.
Да ещё с безразличием, над которым
поразмыслив, себя только зря расстроим.
А расстройство — беда для таких шуток,
как рояль и душа. Особливо наша.
Не ломай себе голову: час неровен,
осознаешь, какая кругом параша.
2012

Если бы радугой...

Чёрное — это чёрное, как его ни бели.
Только я не от этого на мели:
в том и беда, что они не вступили в сплав.
Я не хочу быть прав.
Если бы радугой — всеми её семью..!
Только вот белого с чёрным не разолью.
Чёрное, белое — как ни крути, серо,
скука, тупик, зеро.

Даже если ты белый, белей, чем пух
или там снег, — согласишься, маловато двух.
Если бы радугой — всеми её семью..!
Не просыхая пью.

Родина-мать не позвала... Кровь веселей,
чем запятая с очередью нулей.
Нежный румянец, вспоротое нутро...

Жизнь — на зеро!

Не посчастливилось... Впрочем, смотря кому.

Чёрным по белому, чёр-ным-по-бе-ло-му

(это не больно, а снег заметёт шаги):

НЕ БЫЛО РАДУГИ.

Смерть

Я задремал...

Я задремал. Ты плакала над гробом.

С чего бы это? я не навсегда.

Мой мозг и сердце съедены микробом,
в артериях — зловонная вода,

но я живой! я лишь заснул. Не стоит

сутулиться и всхлипывать в платок.

И для кого верзила этот роет
могилу? Почернел я и размок,

но это от усталости. С восходом

я буду снова весел, бодр и свеж.

Не плачь! Я сплю — всё крепче с каждым годом,

и вижу сны — увы, одни и те ж.

2008

На Смерть Друга

Тебя взгромоздили на дроги и увезли.

Теперь ты в гостях у неба и в милости у земли.

И я провожаю взглядом пластмассовый черный свёрток.

Скули не скули,

ты, юный и свежий, мёртв, как

сухое полено, как телеграфный столб,

вчера ещё бывший клёном. Уймись, заказная скорбь:

ты раза четыре видел его на фото;

теперь Гавриил к груди его стетоскоп
прикладывает. Тихо. Наверное, вышла квота

эфирного времени. Может быть, догоню?

Хотя б напоследок потискаю пятерню,

прижму, расцелую... Зачем? он — в пернатом хоре,

вступает на облачную лыжню

и ласково шурится: дескать, memento mori!

Но я не хочу о смерти! ты слишком свеж

и юн! и любвеобилен! Поэтому за рубеж

могильный тебя провожаю завидуя, а не с грустью,

тому, что ты век коротаешь меж
пернатых парней, спиной (или задом) к предгробному захолустью.

2008

Железнодорожная элегия

Ни следов на траве,

ни чернильных шагов на бумаге:

так и надо идти,

с бритвой, Блоком и парой банкнот
сторублёвых... Всё было «не так» —

Разве «всё»? — а казармы? тюряги?
только «надо ли»? —

Чёрт его знает! Но время идёт.

Прямо скажем, не красит.

Но и мудростью — той, что с годами —

не похвастаться; в восемь пятнадцать
по московскому времени — рейс.
Я не знаю, но надо ж когда-то
порвать со «следами»
на траве, на бумаге, в «сердцах
и веках» — и сорвать эдельвейс!

Сколько было буффонства
и снобизмом прикрытого хамства!
Сколько было маразма
в камуфляже красивых цитат!
«Пять минут до отправки» —
в никуда, в нулевое пространство,
что не терпит следов,
и откуда, похоже, возврат

под вопросом; — но это
персонажа чужого шарада,
парадокс: притворимся,
что этого я не писал.
Не «не так» не бывает,
но пойми, мой хороший, так надо!
Извини, что без спросу;
что тайком улизнул на вокзал —

«не поставил в известность»:
на хрена обрывать у ромашки
лепестки, если знаешь,
что ответ исключает вопрос?
Если что-то «не так» — бритва, две сторублёвых бумажки,
Блок, билет — и вперёд! Чтоб тебе... —
одному из нас крепче спалось.

2009

Соната № 1

как просто клеить строчки, если клей
не выдохся и пахнет парадизом,
нирваной, кайфом! плюнь и пожалей,
но спёкшейся тоски не береги! Сам

воткну свирель в дырявый частокол:
сирени из обугленного хлопка
черпнуть, — ничуть! накрой меня на стол
меж килькой маринованной и стопкой

пшеничных слез; омой меня, отмой
от сальных пятен страннической ризы;
я, видишь, пьян: пусти меня домой,
не укоряя за багрово-сизый

отёк; ты видишь, я уже в пути, —
продень его в эмалевые прутья
и, выбив хмель смиренья, отпусти
на облачные дрогнуть перепутья.

2007

Маленькая Чёрная Месса

Продаётся душа. Недорого: — двести грамм
коньяку. Или два стакана просто сивухи.
Слишком чую, как труп облепили мухи;
как ползёт, почернел, распух и гноится шрам,
положивший конец... Страшно, Авва. Только не сам...

Продаётся душа. Подержанная. В закладе
побывавшая — раза три как минимум. Хлам.

Не хотевшая, сука, играть и резвиться в стаде
и теперь, в результате, пошедшая по рукам —
или по облакам?.. Страшно, Авва. Только не сам...

Отдаётся задаром, — разве что за доставку:
пару стопок «Столичной». Двести грамм коньяку.
Слишком видно, как, брошенный в переплавку,
я — покамест не вспыхнул — ещё теку,
истекаю сукровицей... «Страшно?» — Угу.

Страшно, Авва... Берите же! Задарма!
Безо всяких напитков. Ну, разве что чашку кофе —
«на дорожку». «На посошок». За бывшего профи
по части выпивки, траха, чтения и письма!
«Прошу никого...» — берёте? — «она сама...»
ПРОДАНО!

2010

Солиссимо из Jordan-Passion

Во чистом поле крест, которое столетье;
а может, это шест, и пугало на нём?
Не знаю. Помню зной. Саднящее предплетье.
«Лама савахфани!» — но это было днём.

Вороны воронят укачивают в люльках.
Мне некого пугать. И нечего стеречь.
Ночные небеса в серебряных сосульках —
за столько тысяч лет! — горой свалились с плеч.

Ни звука. Ни души. Ни веры. Ни надежды.
Ни гнева. Ни любви. Ни радости. Ни слёз.
Пусть думают, что Бог. Я сам так думал. Где ж Ты
теперь, когда Я мёртв, соломенный Христос?

2009

Лицом к лицу

Вот — наконец-то! — мы и лицом к лицу.

Старый алкаш — похотливому пацану:

«Выйди на улицу! Выйди на улицу!

Выйди...» — Да ну!

«Здесь всё давно уже кончилось. Только там...»

Кто ты такой, что орлу понаставил вех?

«Да, узнаю: самовлюблён, упрям,

это — я сам: один против всех!»

Вот и расслабься: мы победили. Здесь

тихо и сумрачно; мыши и чучела

честолюбивых фантазий... Усни и грезь

жизнью — КАКОЙ БЫ ОНА МОГЛА..!

«Так...

Но тебе ведь четырнадцать?..

Стой, баклан,

смирно, когда с тобой говорит старшой!»

Слишком старательно мы расчертили план.

Слишком побрезговали —

ДУШОЙ...

2011

Пешеход

1

Смотри в плоскодонку неба; глотай протухший желток

позднефевральского солнца; считай ворон на берёзах,

торчащих охапками вымокших в соли розог; —
признайся, и ты бы не прочь разок

встряхнуться, — но длань бойцов устала колоть
и лезет в штаны за порцией расслабона.

И с ветки взвилась несосчитанная ворона
с пронзительно-хриплым возгласом «жив Господь!».

2

Смотри, как в зыбке гранитной на запад бежит река.
Тормозни пешехода; вкрадчиво-хищным тоном
попроси папироску: пусть небо пахнет ментолом
и облака почернеют от табака.

Сплюнь в воду: река донесёт кислый твой плевков
до финских студёных скал и дальше, до Альбиона.
Поблагодари прохожего мудозвона
за щедрость... Февральское солнце — как в проруби поплавок.

Сначала взгляни налево, пересекая вброд
Великую Реку Жизни. Потом посмотри направо.
Над самой твоей башкой гомонят картаво
вороны, взмывая из тощих чёрных бород.

Видишь низкое небо — колыбель сквозняка?
Видишь снег, испещрённый борзописью дворняжек?
Лучше не останавливайся: уж больно тяжек
воздух — того и гляди, прихлопнет, как тарака...

2010

Детство Гробовщика

Двор мастерской. Поставлены на попа
деревянные чушки. Быть может, чуть жестковато,

но — «на века». Разваренная крупа
заметает входы и выходы... — Сдвоенная скоба
по бортам. Под эквивалент набата

в магнитофонной записи... Во дворе
мастерской: сколько чурочек! сколько стружек!
...Так проходят десятилетия. — Всё в пюре
грязно-белом. И быстро желтеющем. В мутных лужах
отражается небо — с построенными в каре

легионами перистых — может быть, кучевых,
только явно не ангелов. Некому сбросить трапа.
Со двора мастерской никто ещё из живых —
заживо! — без «предварительного этапа» —
не выходил. И ты, похоже, привык.

Вдоль заготовок — вдоль строевой сосны —
Маршевым шагом, — впрочем, можно по кругу.
«Кто о них позаботится, если мы
предпочтём, эгоисты, грозу и вьюгу?
Если секрета не завещаем внуку
и т.д. — паковать их в подпочвенные челны?

Оставайся!..» — Остался. Во дворе мастерской
Строй деревянных чурок, сосновых брёвен,
коим пора — по твоею рукой — в покой
превратиться. — Естественно!.. Всякий иной — условен.
Призрачен. Ибо все мы — под ТВОЕЙ рукой.

2010

Утешение

Не плачь! Я не умер. Не весь. Безыскусные строчки,
бездарные даже, остались — вон там, на столе.

А значит, остались реснички, и чёлка, и щёчки,
ночная сорочка, и в полупрозрачном чехле...

Зачем это мне? в этой темени, в этом болоте...

А стол остаётся тебе, и терпенье, и труд.

Пусть ты с другим, и сейчас вы азартно дерёте
друг друга, — вы тоже умрёте. Они не умрут.

А значит, и вы. Эти мочки, сосочки, реснички...

Мы ляжем бок-о-бок, мы станем былъём и ботвой, —
останутся строчки. А значит, горячие стычки
ночные, и случки, и нимб над твоей булавой.

2008

Реквием-Буфф

Господи! ниспошли мне покой — или вечный сон

«с мультиками»... — нет, я не сторонник клея;

но я готов попробовать, не жалея

«живота» и здоровья... — Так и быть, без «сторон»:

только глоток морфея! —

беспамятства; безрассудства; бесстрастия — словом, сна,

и можно без сновидений: и так насмотрелся лишку;

без колоколов; без воска — только сосна,

глухой шестигранник; и Ангела бы на крышку —

какого-нибудь пацана.

— Бесчувствия; пробирающего насквозь

могильного холода, — и стойкости к этой стуже:

надеюсь, последней; а чтобы крепче спалось, —

не надо (каков соблазн!) никого снаружи:

как следует заморозь!

— Покоя вечного, Господи! — Ты, говорят, не жмот;
не глядя (закрыв глаза) на любовь к скандалу,
на хамство и блядство; по милости — от щедрот, —
а не по доволно убогому номиналу; —
и наоборот.

2010

Ars poetica

When forty winters shall besiege thy brow...

W. Shakespeare

Когда стужа четырёх десятков февралей
нанесёт на кожу «роковые письма» —
очини перо гусиное; налей
двести — в рюмку, слёз — в чернильницу, и на
веки что-нибудь запечатлей:

солнце, море, звёзды (если помнишь); дребедень
«нежной юности», пронырливый курсор,
мел и аспид, инь и янь, «раздвинь» и «вдень»
(например); дорогу, дерево и двор,
Млечный путь и заплутавший метеор;
набивающийся в чоботы кремень

лермонтовской пустоши болтливой, пустыря
бродского; пролей слезу, занюхай рукавом
и валяй, пиши, для вящей славы букваря
русского (к примеру): полумёртвый — о живом,
о когда-то (или ком-то) юном... Якоря
подняты; из виду скрылся волнолом...

2009

Флейта

Если ты флейту нашёл, а родник потерял

следуй за ней, за её переменчивым плачем
На-слово только не верь ей: как будто мы значим
что-нибудь, а не овчинка, сырец, матерьял:
от неудач — ни на шаг от неё! — к неудачам

Вот и гора, на которой деревья сажал
мальчиком, вот и скамейка, два имени, кольца,
равенства знак... — Так Кааба ведёт богомольца,
чтоб насмеяться в конце: «а Земля-то ведь — шар!»

Нет, не к добру, не ко злу, не к благам, не к убыткам —
так, от зарубки в коре до креста на полях,
чтобы в конце ощутить себя тлеющим свитком
в пальцах, изъеденных плесенью... Просто приляг,

просто представь себе флейту в начале маршрута,
лист разверни, заостри притупившийся стиль,
ты мне не верил - и правильно: верить кому-то —
значит, вернуться, отчаявшись, в эту же пыль.

Флейта поёт — умерла... — Ни угла, ни приюта...

2011

Колыбельная

Бежать? куда? Беда повсюду,
железным дразнит языком.
Усни, дружок; с трудом, но буду
настаивать, что незнаком.

Прикинься, что уснул: у света
четыре целых стороны.
И столько же у тьмы: нелепо
отказываться от билета

туда, где все — и мы — равны.

И шансов нет. Никто их, впрочем,
не требует. Зеленый свет!
За час, как водится, подскочим,
засуетимся, захлопочем
и всё равно вернём билет.

Поэтому — поспи: кочевье
не навсегда. Усни, беда!
Утрачивающий значенье
маршрут, сквозь сои, как приключенье
из ниоткуда в никуда.

2011

Зодчий

За призраком звёздного дома —
такой же неприбранный дом.
Теснясь в берегах окоема,
он хочет на волю — внаём
бессрочно сдающийся случай,
счастливый ли, нет ли — тоска
упрямо волхвует над кучей
тягучего века-песка.
Из пены, и глины, и тины
на этом — земном — берегу
мы строим и сводим руины
в уютную арку-дугу:
быть может, заглянут дельфины
и все, перед кем я в долгу?
А мокрые эти крупницы —
как звёзды, как весь небосвод.
Ко мне собираются птицы,

когда позади перелёт,
и учат молчанью, и крику,
и ровной посадке крыла —
и прячу свои, как улику,
что всё на дорогу дала,
что всех подготовила, я же —
из мёртвых жуков и стрекоз
на полузаброшенном пляже
убежище строю — от слёз.
— От ливней и гроз! От капризов
погоды! — Нахмурились: блажь!
Для тех, кто не приняли вызов,
даны в утешение пляж
и слёзы. А звёзды — за кряжем,
за этой — не веришь? — грядой.
Все в глину когда-нибудь ляжем,
но кто-то — с попутной звездой.
И прочь улетают. И в гневе
своё рукоделье топчу.
Стемнело.
Неведомый в небе
кому-то затеплил свечу...

Последний дождь

Ещё не вечер. Лица — навсегда.
Ещё лопочет затхлая вода,
сбегая по ступеням бородатым.
Ещё шуршит опавшая листва,
ещё не раззнакомились слова,
ещё грохочут жёлуди по скатам.

Но дождь идёт. И лица — всё мутней.

И вереница календарных дней
дымится во дворе, у ржавых баков.
И баба Маня, с вечера пьяна,
последние сгребает ордена
с торцов. А дождь повсюду одинаков.

И все уподобляются ему:
позволь, на память с варева сниму
последнюю малиновую пенку.
Ты отстранился — нет, не ты, другой,
но слушай, если флейта под рукой,
чего хандрить и биться лбом об стенку?

Ещё светло, всех можно перечесть
по именам... Колотится о жезл,
грохочет батальон дубовых шишек.
и головни чадящего костра
подмигивают, кажется: «Пора
уснуть, забыться, выплеснуть излишек...»

Просто сбыться...

Молока или смеси «Малютка»
я, вкушая, вкусил не сполна? —
только жизнь — непристойная шутка,
носом тычется утлая шляпка
в обшлага, да не те времена:
из обмолвки не выпрясть поступка,
и душа — не того полотна.

Я хотел бы уйти самоволком
из своих добровольных силков,
не слезиться зеркальным осколком,

убедиться, что мир не таков,
как его расписали хабалки,
и, не клянча отсрочки у прялки,
просто сбывься — без обиняков,

недомолвок, ненужных загадок:
так на вкус соблазнительно-сладок
каждый шаг, так покладист на вес,
если смотришь на мир из тетрадок,
с колокольни спесивых небес: —
не ломая ни стульев, ни шапок,
лишь объявишь, что «можешь и без
посторонней...» — и валишься набок,
как в глупейшей из кукольных пьес.

2011

И звёзды

Нет, ни слова, ни звука, ни всплеска, —
это небо, не роща, не пруд,
это небо, как ветхая фреска —
столько света, а спичек не жгут.
Это всё, что, конечно, не вспомню,
даже если с собой унесу,
— в небо входят, как в каменоломню,
керосинку держа на весу.
Это небо, и редкие звёзды,
даже реже, чем зубья гребня,
как уродливые наросты
на коре одинокого дня,
одичавшие эти погосты,
где, наверно, заждались меня.

Я люблю это стылое небо,

этот звёздный серебряный мох,
снова день — удивляться нелепо —
на корню, как осина, иссох.
Я простёр онемевшие руки
полумесяцу, полухребту:
в купола, как в надбровные дуги,
где, как летопись, жизнь перечту
и, ни строчки знакомой не встретив,
изготовлюсь — и с красной строки
поспешу бормотаньем согреть их,
не нащупав ответной руки.

2011

Стихи с бромом

Не лезь на рожон; не спорь; уступи дорогу: —
земля спеленает тоску твою и тревогу:
на лбу ледяном топорщится флёр корней...
Сюда не войдут; но и ты не вернёшься, если
когда-нибудь передумаешь... Да, воскресли;
да, «новое небо»... — да мало ли ахиной!

Смежай же скорей ресницы! — один барашек, второй...
девяносто девятый... Не чуешь ляжек?
лодыжек? промежности? — Ты-то чего хотел?!
«Всего»? Замечательно!.. — Медленными глотками
смакуют хвощи прикорнувший в отхожей яме
«венец эволюции». Финиш её. Предел.

Уютно ли дремлется? Что же мы замолчали?
Обидно, что Слово только, видать, в начале
и было. В конце — дробь капель: с крышки на лоб.
Раз «точит и камень», то скоро просверлит дырку;
но ты охладел — говоришь, к сожаленью? —

к цирку: —

а я до сих пор кувыркаюсь под «але-оп!»...

2010

Ошибка

Нет, боже мой, нет!.. Но тебя застегнули, выносят,
молчат и несут, как поникшее знамя, трясут
и бьют об углы... Кто же знал, что меня и не спросят?

А если б спросили?.. Ещё на пятнадцать минут?

на сутки? на месяц? но слишком пестро и зловонно.

Я штормку отдерну, открою окно и замру:
бригада тебе поправляет, как добрая бонна —
питомцу, чехол. И колонной идут по двору

к машине с мигалкой... Мне хочется крикнуть: не надо!

Но я замечаю ошибку, и тихо смеюсь.

Тебя унесли. А исток разноцветного смрада
стоит у окна. Увозите! А я остаюсь,

ничьих не смущая ноздрей и очей, на кровати,
спелёнутый туго, с безградусной ртутью во рту.

Машина с мигалкой сдвигается с места. Догнать и
отнять? обменять?.. Я лежу. Я смотрю в темноту

внутри и вовне. И не вижу особых различий.

Они спохватятся, и ты ужаснёшься: зола
и пепел. И сделаешь всё, что печальный обычай
велит. Невзирая на то, что уже умерла.

2009

Пусть...

Пусть будет смерть: кресты, венки, агенты

в крахмале и с четой гвоздик в петлице;
пусть будет смерть, — но сердце будет биться
за нас двоих (твое, моё — неважно):
немножко больно, но совсем не страшно;
и где-то вдалеке — аплодисменты

зелёного кленового партера...
И смерть пройдёт, как мы прошли по хлипкой
дощечке над рокочущим провалом;
в нас теплилась любовь, надежда, вера: —
для жизни, оказалось, слишком мало; —
достаточно, чтоб встретить смерть с улыбкой.
2010

Прощание

Пришла пора расстаться. Не ропщи,
что ничего и не успели толком.
И ангелы. Их серые плащи
и тёмные очки. В морозе колком

как будто бледный марганец разлит.
Такой я эту землю и запомню.
Ты спрашиваешь, больно ли? Болит
лишь боль, в живом нащупывая ровню,

а я — уже не здесь. А где — бог весть.
Вязальный луч прокалывает шёрстку
морозную. И ты смахнула блёстку
с ресницы. Значит, что-то было? есть?

останется?.. Прости, но как-то не до
тебя. Себя. Следа. А слёзы — дань
обряду... Соскочу с велосипеда

у грани, и шагну за эту грань.

2008

Эпилог

Отхожее Сердце

Дарю тебе Брукнера, Мойку, Фонтанку,
Гомера, бессонницу, парус, лазурь
под ним и над ним. Собираюсь в загранку.
В Америку. Как Свидригайлов. Понурь
строптивую чёлку. На четверть минутки.
И ждать оставайся урочной попутки.

Дарю тебе всё, чем богат был и беден:
каморку под крышей и рифму «любовь-
буровь». Извини, что бисквит недоеден
и что недопролита чёрная кровь.
Но это неважно. Тем паче — не нужно.
Давай и не-жить постараемся дружно.

Дарю фолианты, полотна, статуи
и в Летнем, и в Зимнем, и в нижнем, и без;
дарю марципановые поцелуи
застенчивых принцев и бледных принцесс.
Бери! знаменитые всё персонажи.
А нашей никто не заметит пропажи.

Составлена опись, реестрик, каталог.
К сему прилагаю. Себе же возьму
пяток прибауток да пару считалок,
да Твой неразборчивый очерк, Кому
я смог расточительный сделать подарок,
рванув Магометом к упряму-холму.

2009

Дорога

О том, что малодушье — смертный грех;
о том, что смерть подстерегает всех,
куда бы ни вошел ты или вышел.
О том, как относиться к ней всерьёз,
как будто за тобой бегущий пёс —
всего лишь тень, но голос твой расслышал.

О том, дружок, что нет семи дорог,
о том, как неизбежно одинок,
кто словно поперечина в колёсах.
Лишь ты да я, а прочее — прими
как есть, и позабудь о всех семи:
она одна, как тень твоя, как посох.

Ты любишь, знаю, истины плести,
и здесь я не могу тебя спасти,
поскольку растранижил всё до нитки.
Как зайчик от оконного стекла,
тебе на плечи истина легла —
уймись, оставь бесплодные попытки: —

шнуруй потуже лапти: путь далёк,
шагая по любой из тех дорог,
которых нет, и всё-таки ты вправе
свой выбор, как котомку, пронести
и к финишу с неслышным «пропусти!»
прийти и всё как есть увидеть въяве.

Лестница Иакова

В небеса упирается лестница,
на земле атакует пролёт
околесица и гололедица,
и в ладонь, как сосульку, берёт,
и кружком заглядится оконное
(до небес продышал мальчуган) —
и склоняется личико сонное
ковылём на горбатый курган.
Мы взойдём, только мальчик-и-девочка,
в облаков недотрогу-нугу,
и не скажет никто, чьё же дело, что
наши косточки — гроздь на снегу.
Что рябина, что ива, что ижица —
я к престолу тебя вознесу:
не беда, что со скрипом, но движется —
мы очнёмся в прозрачном лесу,
там, где лесенка в облако тычется,
где по деткам расплакался дрозд;
обойми, Пресвятая Владычица,
белым кружевом пенным погост!
Там по травке, от сопочки к сопочке,
поставцы запорошил апрель,
и баранкой свернулся в коробочке,
в ноздреватой груди — коростель.
Ничего, что всё пропито-прожито:
есть у нас тростниковый трезвон,
оттого-то и тленьё положено
четырёх на пороге сторон;
оттого-то и в люди не вывести,
и от стужи земной не спасти,
что по щиколотку ноги в извести
да рябиновый пепел в горсти.
Ни словечка не будет услышано,

не оборвано ни лепестка —
но стекло ледяное продышано
наизлёт, в небеса, в облака.
Мальчик, девочка, взялись-ка за руки
и вперёд, по спирали пурги, —
и поёт-заливается зябликом,
отвечая на чьи-то шаги.
Глядь — уже и дорожка протоптана,
и крылатые хлопцы снуют
вниз и вверх — и застойная, теплая
покидает излюбленный пруд,
где мальчишки пускают кораблики:
меньше парус, ещё, и исчез,
и не ангелы — спелые яблоки
в облетающей кроне небес.

Заклинание

Я вернусь к тебе ветром в кирпичной щели,
я вернусь к тебе пригоршней кислой земли —
щекотать и слюнявить ржаное подчревьё.
Я вернусь к тебе певчим морозным ключом,
я вернусь к тебе солнечным пыльным лучом,
просочившимся сквозь облака и деревья.

Спеленай меня в дудку, цевницу, свирель:
я взъерошу на мшелом пригорке сирень
и всем пчёлам кувшинки пылью перемажу!
Я вернусь к тебе звонкой зуделкой дождя —
об одном попрошу: не забудь, восходя
по ступенькам, стереть с переносицы сажу.

Я люблю тебя снова, вчера и всегда, —

не забудь, доверяясь ладоням пруда,
камышину сорвать или срезать — исполнишь?
Я вернусь телеграммой с угрюмой каймой,
но вернусь!!! — в меховые ладони, домой,
на колени, и вверх по... — но помнишь ты, помнишь!

Или примус остыл, и цветок голубой
над конфоркой гундосит мохнатой губой
о «каких там свирелях?! джакузи — и в койку!»
И тогда я вернусь — одичавшей грозой,
давшей волю трехтысячевольтной борзой —
целой своре! — прорвать, как плотину, надстройку

и пробиться к корням: всё нежней, всё ржавей,
и уже не сдержат ошалевших коней,
и счастливей тебя и меня... — Выйди, кликни —
на просторы любых социальных сетей —
чингачгукский свой клич! —
Загрусти, опустей
и опять в непросеянный пепел поникни.